

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Б тайна ГИБЕЛИ БОРИСА И ГЛЕБА

А был ли Святополк
«окаянным»?

Почему боролся
за Киев Мстислав
Тмутароканский?

Скандинавские версии
русских событий

Д.А. БОРОВКОВ

Тайны Земли Русской

Дмитрий Боровков

Тайна гибели Бориса и Глеба

«ВЕЧЕ»

2009

Боровков Д. А.

Тайна гибели Бориса и Глеба / Д. А. Боровков — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Тайны Земли Русской)

Среди загадок русской истории особое место занимает тайна гибели двух сыновей крестителя Руси Владимира Святославича – Бориса и Глеба, убитых по приказу старшего брата Святополка, получившего в древнерусской литературе прозвище Окаянный. После изгнания Святополка началось почитание князей в княжеском роду. Память обоих страдальцев осталась для России священной. Русские люди, и преимущественно княжеский род, видели в них своих заступников и молитвенников. Летописи содержат много рассказов о чудесах исцеления, происходивших у их гроба, о победах, одержанных их именем и с их помощью, о паломничестве князей к их гробу, и т. д. Сохранившиеся исторические свидетельства о гибели двух князей порождают круг непростых вопросов. На них отвечает в своей книге историк Д.А. Боровков.

Содержание

От автора	5
ЧАСТЬ 1	8
1.1. Междукняжеская война Святославичей и ее последствия	8
1.2. Реформы Владимира. «Заговор обойденных» и его участники	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Александрович Боровков

Тайна гибели Бориса и Глеба

Посвящается Светлане

От автора

Среди загадок русской истории особое место занимает тайна гибели двух сыновей крестителя Руси Владимира Святославича – Бориса и Глеба, убитых по приказу старшего брата Святополка, получившего в древнерусской литературе прозвище «Окаянный». После изгнания Святополка началось почитание князей в княжеском роду. Впоследствии они стали одними из первых общерусских святых.

Скруплезное изучение всех сохранившихся свидетельств об этих событиях порождает круг на первый взгляд неразрешимых вопросов: если памятники древнерусской письменности дают, как кажется, вполне достоверную картину событий, происшедших тысячу лет назад, то это впечатление исчезает, как только мы обращаемся к свидетельствам латинских или скандинавских источников.

Уже не один десяток лет историки пытаются согласовать столь разные по своему типу и содержанию памятники, как древнейший из сохранившихся до наших дней летописный свод «Повесть Временных лет» (далее – ПВЛ); созданный на рубеже XI–XII вв. цикл агиографических произведений о Борисе и Глебе; свидетельства, оставленные немецким современником – Титмаром, епископом Мерзебурга, и одну из исландских саг, рассказывающих об участии в борьбе русских князей варяжского отряда во главе с конунгом Эймундом, причастным к убийству одного из них.

Решению этого вопроса посвящено большое количество научных и научно-популярных работ, позволяющих разрабатывать различные направления исследований. Мы стремились не только опереться на их результаты, но и, по возможности, продемонстрировать пути развития исследовательских концепций; ибо, как отмечают современные исследователи: «...значение исторической науки сводится не только и даже не столько к „реставрации“ прошлого, сколько к сохранению культурного опыта человечества, включая саму историю вопроса, хронику мнений и концепций, исследование их генезиса и развития»¹.

Мы придерживались двух основополагающих принципов интерпретации источников, с одной стороны, рассматривая содержащуюся в них историческую информацию как факт социально-политического развития, а с другой – исследуя его как уникальное явление культуры. Надо отметить, что одной из причин, по которой большинство исследователей обращается к изучению династического конфликта 1015–1019 гг., является феномен братоубийства в контексте христианской традиции на Руси: поэтому чрезвычайно важным, в соответствии с современными представлениями, является установление и осуждение потенциального его инициатора. При этом, как правило, игнорируется то, что для решения поставленной задачи привлекаются памятники различных культурных традиций, в которых отношение к этому явлению было не столь однозначным.

Именно поэтому необходимо изучить отношение к феномену этого династического конфликта в широком сравнительно-историческом контексте русской, скандинавской, чешской и южнославянской традиций, которые были связаны между собой в культуре средневековой Европы и одновременно имели собственные уникальные черты, особенно ярко выраженные в

¹ Каравашкин, Юрганов 2003. С. 292.

древнерусской историографии, ибо «Древняя Русь жила конвенциональными идеями, символами и образами, имевшими определенную сферу применения. Они были ограничены письменным преданием и неписаными правилами, нормой, канон» (А.В. Каравашкин)². Разумеется, это не могло не отразиться на ее культурно-историческом восприятии.

Произведения Борисоглебского цикла создают богатую галерею образов участников междукняжеской войны 1015–1019 гг. Этот исторический нарратив смоделирован по аналогии с ветхозаветными сюжетами, им проникнуты не только агиографические, но и летописные труды, поэтому ее можно считать спецификой древнерусской традиции. Сквозь все произведения цикла проходят более или менее стандартные типы образов: «персонажи, в которых воплощены абсолютный „праведник“ и абсолютный „грешник“» (Р. Пиккио)³. Однако даже внутри этой отдельно взятой литературной традиции сходства и отличия между памятниками весьма велики, поэтому не будет преувеличением сказать, что все они представляют собой различные «сценарии» конкретной исторической ситуации, которым удивительным образом удавалось сочетаться в сознании людей на протяжении десяти веков.

Сегодня существует тенденция к интерпретации исторических текстов как целенаправленно созданных продуктов культуры: в этом случае история становится опосредованной, увиденной глазами Другого; место исторических фактов занимают образы, обусловленные «социальными навыками мышления» (Ж. Ле Гофф). Но, позволяя расширить поле исследования, приблизиться к реконструкции человеческого сознания в исторической ретроспективе (или, быть может, лишь создать его иллюзию), этот метод выдвигает на первый план проблему межкультурного диалога во Времени – диалога, который, в сущности, является интеллектуальной игрой исследователя. Не случайно один из его основоположников, известный французский историк Марк Блок в своей «Апологии истории» повторил слова нобелевского лауреата Андре Жида: «Игры ныне для нас уже непозволительны, кроме игры ума»⁴. Считается, что «человек прошлого, как и наш современник, воспринимает мир в особом мифологическом ракурсе: он создает свой образ действительности, активно привносит в описание исторических событий собственную систему оценок, осознанно руководствуется только ему присущими нормами или коллективными представлениями, мировоззренческими установками конкретной эпохи»⁵. Этот подход нуждается в определенной коррекции, поскольку в данном случае речь идет не только о том, как события 1015–1019 гг. воспринимались «внутри» древнерусской культуры, но и за ее пределами. Мы попытались решить изложенную в этой книге проблему, исходя из представления о том, какой представлялась война за наследство Владимира Святого на Руси, в Скандинавии или в Германии, и почему именно так ее зафиксировали в дошедших до нас текстах.

Хронологические рамки книги охватывают значительный период развития междукняжеских отношений на Руси – с 70-х г. X в. до вокняжения в Киеве Владимира Мономаха. Однако далеко не все события указанного периода были подробно освещены, поскольку эта книга – всего лишь начальный этап в разработке сложнейшей темы, так как мы попытались рассмотреть в ней явления политической жизни Древней Руси в сравнении с аналогичными явлениями в различных регионах Европы.

Согласно пожеланию издательства, древнерусские тексты в книге приводятся в переводах Д.С. Лихачёва («Повесть Временных лет»), Л.А. Дмитриева («Анонимное сказание о Борисе и Глебе»), «Сказание о чудесах»), Н.И. Милютенко («Чтение о житии и погублении Бориса и

² Там же. С. 121.

³ Пиккио 2003. С. 485.

⁴ Блок 1986. С. 9.

⁵ Каравашкин, Юрганов 2003. С. 17.

Глеба», Паримийные чтения). В примечаниях дается ссылка сначала на древнерусский текст (по «Полному собранию русских летописей» или публикации Д.И. Абрамовича «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им» (Пг., 1916), затем – указание на перевод. Случаи, когда переводы выполнены нами, оговариваются отдельно. Древнерусские даты «от сотворения мира» приведены по современному летоисчислению. В приложениях к книге помещены летописная повесть «Об убиении Бориса», «Сказание о Борисе и Глебе» (по изд.: «Памятники литературы Древней Руси». XI – начало XII вв. М., 1978), Фрагменты «Пряди об Эймунде» в переводе Е.А. Рыздзевской приведены по изданию:

Т.Н. Джаксон. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Первая треть XI в. (М., 1994), фрагменты из «Круга Земного» Снорри Стурлусона (М. 1980) – в переводе А.Я. Гуревича и М.И. Стеблин-Каменского.

Автор выражает искреннюю благодарность доктору исторических наук Владимиру Яковлевичу Петрухину, в семинаре которого был подготовлен первый вариант этой работы, и доктору исторических наук Александру Васильевичу Назаренко, который любезно разъяснил проблему соотношения титулов русских князей в ПВЛ и «Хронике» Титмара Мерзебургского.

Дмитрий Боровков

ЧАСТЬ 1

Война за наследство князя Владимира. Древнерусские «сценарии» событий

Явление, вызывающее негодование, не может служить достоянием истории, в лучшем случае предпосылкой пока еще не сформулированной исторической проблемы.

Бенедетто Кроче. Теория и история историографии (1915)

1.1. Междукняжеская война Святославичей и ее последствия

Один из «сценариев» междукняжеской войны 1015–1019 гг., сохранившийся в ПВЛ, представляет братоубийственную войну между сыновьями Владимира как финал династической трагедии Рюриковичей, разыгравшийся в последней четверти X в., когда сам Владимир в ходе борьбы за власть оказался виновником гибели старшего брата Ярополка.

По свидетельству летописи, Владимир – внебрачный сын киевского князя Святослава Игоревича и ключницы Малуши, приобщился к политике случайно, когда в 970 г. по просьбе новгородской «делегации» был отправлен княжить в Новгород под надзором Добрыни, своего дяди по матери, после того как от власти в далеком городе на Волхове отказались старшие сыновья Святослава Ярополк и Олег, которые предпочли северной окраине Руси земли полян и древлян.

**Князь Святослав Игоревич. Роспись
Грановитой палаты Московского Кремля**

Раздел княжений, предпринятый Святославом накануне его второго похода в Дунайскую Болгарию, оказался поворотным моментом для древнерусской государственности: с этого времени неделимое прежде в роду Рюриковичей господство над восточнославянскими племенными союзами, почти столетие обязанными варяжским правителям Киева данью, а в случае необходимости и военной поддержкой, оказалось раздроблено. Трудно сказать, насколько политически беспрецедентным было это решение Святослава, так как, по словам византий-

ского императора Константина Багрянородного, сам он при жизни отца сидел на княжении в Новгороде (Немогарде)⁶.

На первый взгляд, мотивы решения Святослава понять нетрудно, поскольку летопись говорит о его намерении перенести свою резиденцию из Киева в Переяславец на Дунае, завоеванный во время его первой болгарской кампании 968–969 гг. По убеждению Н.И. Костомарова: «Легкость, с какою Святослав променивал русский Киев на Болгарский Переяславец, наглядно указывает, что варяжские князья за целое столетие власти над русскими славянами не выработали для себя на русской почве государственных взглядов и понятий»⁷. Для некоторых исследователей, напротив, «совершенно очевидно», что Святослав «предполагал перенести свою резиденцию на Дунай, сохранив за собой и огромное древнерусское государство» (А.Н.Сахаров)⁸, поэтому сегодня говорят даже о планах создания Святославом дунайской «империи» (В.Я. Петрухин)⁹. В этом случае его оставшиеся на Руси сыновья превратились бы в обычных княжеских посадников (В.О. Ключевский)¹⁰.

Летописи умалчивают о том, разделил ли Святослав всю территорию Руси, находившуюся под его властью, или выделил только Древлянскую и Новгородскую земли, оставив остальные волости Ярополку¹¹, но, как бы то ни было, после гибели Святослава в схватке с печенегами у днепровских порогов в 972 г. братья нового киевского князя могли оказаться для него как деятельными помощниками в деле сбора дани с постоянно готовых к мятежу племенных союзов, так и потенциальными политическими противниками, хотя, как полагает А.В. Назаренко, нет никаких оснований представлять себе положение Ярополка особым сравнительно с братьями, поскольку первые Рюриковичи подобно правителям раннесредневековой Европы управляли древнерусским государством коллективно на основе «родового сюзеренитета»¹².

⁶ Константин Багрянородный. С. 45, 311–312.

⁷ Костомаров 2005. Т. 12. С. 10.

⁸ Сахаров 1982. С. 141.

⁹ Петрухин 2000. С. 163–166.

¹⁰ Ключевский 1987. Т. 1. С. 180.

¹¹ Соловьев 1996. С. 25.

¹² Назаренко 2000. С. 504, 505. Эту гипотезу следует отличать от представлений о «коллективном сюзеренитете» русских князей в Поднепровье, который по мнению ряда исследователей (Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков и др.) сложился во второй половине XI в.

Владимир и Рогнеда. Художник А. П. Лосенко, 1770 г.

Конфликт не заставил себя долго ждать: он разразился в 975 г., когда древлянский князь Олег убил за браконьерство в своих владениях Люта, сына влиятельного киевского воеводы Свенельда, который потрудился разжечь войну между Ярополком и Олегом. В 977 г. Олег потерпел поражение в битве под Овручем и погиб во время бегства. Узнав об этом, Владимир бежал «за море», и его волость перешла к Ярополку. Согласно ПВЛ, через три года Владимир вернулся с помощью скандинавских наемников-варягов: первым делом он выгнал из Новгорода киевских посадников и объявил войну брату. Принимая во внимание условность летописной хронологии для X в., некоторые исследователи принимают датировку, предложенную

в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова-«мниха», которая относит войну Владимира с Ярополком и его вокняжение в Киеве к 978 г.¹³

Далее летописный рассказ разрывается сюжетом о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери варяга Рогволода, который пришел «из заморья» и установил свою власть в Полоцке. По свидетельству ПВЛ, Владимир «послал к Рогволоду в Полоцк сказать: „Хочу дочь твою взять себе в жены“. Тот же спросил у дочери своей: „Хочешь ли за Владимира?“ Она же ответила: „Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка“... И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, славян, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены»¹⁴.

Включение этого сюжета в летопись, очевидно, вызвано необходимостью проиллюстрировать не только некоторые из причин соперничества Святославичей, но и дать объяснение далеко не простым отношениям в семье Владимира. Как рассказывает летописец XII в., полоцкая княжна попыталась отомстить нелюбимому мужу за гибель родственников и была приговорена к смерти, от которой ее спас один из сыновей – Изяслав.

В итоге Владимир был вынужден сменить гнев на милость, отправив жену и сына на княжение в Полоцкую землю, которая, таким образом, приобрела автономный статус в составе древнерусского государства: на протяжении 250 лет она управлялась исключительно потомками Изяслава и лишь на некоторое время киевским князьям – потомкам его брата Ярослава – удавалось силой подчинить ее своей власти (в 1068–1071 и 1129–1132 гг.). Антагонизм между полоцкими и киевскими князьями был столь очевиден, что Лаврентьевская летопись констатировала (под 1128 г.), что с тех пор внуки Рогволода «меч взимают» против внуков Ярослава¹⁵, хотя подобное противопоставление было не совсем корректным, поскольку киевские князья являлись внуками Рогволода, также как и их полоцкие соперники. Рассматривая этот сюжет как вставку, надо полагать, что сам полоцкий инцидент имел место еще до объявления войны Ярополку, ибо по завершении повествования о Рогнеде составитель ПВЛ вспоминает о том, что новгородский князь «пошел на Ярополка».

«И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче – между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка – с лживыми словами: „Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него“. И сказал Блуд послам Владимировым: „Буду с тобой в любви и дружбе“...

Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: „Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: „Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка“. Беги же из города“. И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: „Беда как в Родне“. И сказал Блуд Ярополку: „Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим“, – так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: „Пусть так!“. И послал Блуд к Владимиру

¹³ Карпов 1997. С. 87–88. Свердлов 2003. С. 243–244. Милютенко 2008. С. 126–128.

¹⁴ ПСРЛ 1. Стб. 75–76. ПЛДР 1978. С. 91.

¹⁵ ПСРЛ 1. Стб. 300–301.

со словами: „Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его“. Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: „Пойди к брату своему и скажи ему: „Что ты мне ни дашь, то я и приму““. Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: „Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов“, и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк»¹⁶.

Ярополк Святославич. Художник В. П. Верещагин, 1891 г.

Князь лишился сначала власти, а затем и жизни, вследствие предательства своего доверенного лица – воеводы Блуда. «Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк», – рассказывает далее ПВЛ, сопроводив этот факт развернутым комментарием о том, что «от греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира»¹⁷.

Относительно интерпретации этого феномена существуют значительные расхождения. По мнению И.Я. Фроянова, в данном случае речь идет «об особенностях перехода в древних обществах власти от одного правителя к другому, часто приобретаемой посредством убийства

¹⁶ ПСРЛ 1. Стб. 74–78. ПЛДР 1978. С. 91, 93.

¹⁷ ПСРЛ 1. Стб. 79. ПЛДР 1978. С. 93.

властителя соперником, претендующим на его должность. Этот способ практиковался и на Руси IX–X вв. Убив правителя, соперник получал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного». Именно поэтому «князь Владимир, умертвив Ярополка, „залеже“ его жену, „от нея же родися Святополк“. Точно сказать, от кого дитя „родися“ (Владимира или Ярополка), летописец не мог, а быть может, не хотел, поэтому и ограничился двусмысленностью: „бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Владимира“. Правомерно предположить, – заключает исследователь, – что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка»¹⁸.

С точки зрения Н.И. Милютенко, «женитьба была вызвана не похотливостью князя, а желанием избежать кровной мести в близкородственном кругу. Женившись на вдове убитого, Владимир предлагал самого себя в возмещение», поэтому «монахиня-гречанка не пыталась мстить князю, зато Святополк расплатился сполна, убив своих двоюродных братьев свв. Бориса и Глеба»¹⁹. По убеждению некоторых исследователей, летописное свидетельство о рождении Святополка от монахини-расстриги следует воспринимать скорее как знак идеологической отмеченности, чем как исторический факт (С.Я. Сендерович)²⁰. Как раз в последнем качестве оно интерпретируется в «Сказании страсти и похвалы Борису и Глебу», которое чаще называют «Анонимным сказанием».

Надо сказать, что взгляд его автора на события 1015–1019 гг. существенно отличался от концепции, представленной в летописании, поскольку он придает определенную тенденцию обстоятельствам рождения Святополка: «Мать его, гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он»²¹.

Хотя «Анонимное сказание» признает Святополка сыном Владимира, сам факт его рождения представлен как грех язычника. Обратим внимание на еще одну любопытную деталь: в тексте сообщалось, что «от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки – Борис и Глеб». Несмотря на то что произведение было посвящено именно прославлению последних, его «преамбула» акцентировала внимание на Святополке.

Если летописная статья 980 г. попала в летопись до церковного прославления Бориса и Глеба, у летописца вряд ли были основания для того, чтобы отрицать родственную связь по нисходящей линии между Владимиром и Святополком. «Анонимное сказание» было составлено уже после церковного прославления князей-мучеников по инициативе Ярославичей, что вызвало необходимость дистанцироваться от компрометирующего родства со Святополком, тем более что оно, как считают исследователи, «должно было способствовать возвеличению не только святых, но и „рода праведных“, особенно Ярослава» (С.А. Бугославский)²². В любом случае, и в летописи, и в «Анонимном сказании» эта легенда отвечала задачам Борисоглебской агиографии, позволяя установить символическую связь между «беззаконным» происхождением Святополка и его «окаянными» деяниями. Весьма широк и диапазон интерпретации этой легенды, вплоть до символического отождествления Святополка с Антихристом (И.Н. Данилевский)²³.

¹⁸ Фроянов 1995. С. 56–57.

¹⁹ Милютенко 2008. С. 138.

²⁰ Сендерович 2000. С. 487. Прим. 12.

²¹ Абрамович 1916. С. 27–28. ПЛДР. 1978. С. 279.

²² Бугославский 2007. С. 253.

²³ Данилевский 2004. С. 67, 178.

Захват ладьи и убийство Глеба по приказу Святополка Окаянного. Миниатюра Радзивилловской летописи

Если принять гипотезу о том, что действия Владимира были продиктованы архаическим правом, действовавшим до Крещения Руси в конце X в., становится понятным негативное отношение к Святополку, сформировавшееся в древнерусской историографии под влиянием духовенства, которое открыло доступ к киевскому двору культурных традиций Византийской империи, хотя, быть может, влияние их на первых порах было не столь уж сильным, как это представляется тысячу лет спустя некоторым исследователям. Достаточно сказать, что наиболее отвечающий житийным канонам памятник, «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба», вовсе замалчивает этот инцидент.

Если древнерусская историография, ориентированная на морально-этические приоритеты, сформировала два образа Владимира – негативный образ язычника и позитивный образ христианина, то историография Нового времени нарисовала портрет князя-реформатора, выступившего инициатором религиозных, правовых и административных преобразований. Мы не будем касаться здесь всех аспектов его деятельности, отметив лишь те, которые имеют ключевое значение для решения интересующей нас проблемы.

1.2. Реформы Владимира. «Заговор обойденных» и его участники

Разумеется, среди преобразований Владимира Святославича прежде всего надо отметить принятие христианства в качестве государственной религии, имевшее колоссальное значение для формирования принципиально новой системы ценностей в древнерусском обществе. Данное явление было результатом тесного русско-византийского взаимодействия в IX и особенно в X в.; оно подвело итог длительному поиску религиозных и политических приоритетов, которым, по свидетельству ПВЛ, были озабочены сначала княгиня Ольга, а затем ее внук Владимир. «Пример княгини Ольги, ведшей переговоры о принятии христианства как с Константинополем, так и с Римом и обратившейся за присылкой католического духовенства к германскому королю Оттону I (936–973), показывает, что до Киева дотягивались руки как „первого“, так и „второго Рима“ (т. е. Константинополя. – Д.Б.)»²⁴. Да и не только... Согласно ПВЛ, сделать Владимира Святославича последователем своей религии пытались иудеи и мусульмане.

Религиозные искания киевского князя являются свидетельством идейно-политического кризиса древнерусской государственности последней четверти X в. Его спровоцировали и балканские авантюры Святослава (которого летописец устами киевлян упрекает в том, что князь «искал» чужих земель, оставив свою)²⁵, и династический конфликт Святославичей. Путем раздела княжений в 970 г. Святослав, очевидно, пытался как-то стабилизировать ситуацию, однако в первой половине 980-х г. Владимиру пришлось вновь подчинять не только вятичей, на которых возложил дань Святослав, но и радимичей, плативших дань в начале X в. еще Олегу.

Первоначально Владимир пытался сплотить откалывающиеся племенные союзы на базе язычества. По словам летописца, он устроил в Киеве пантеон славянских божеств «и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь»²⁶. Демонстративное возвеличение главного полянского божества Перуна над божествами других племен не способствовало консолидации племенных союзов вокруг киевского князя, а скорее воспринималось как тенденция к усилению киевской гегемонии, против которой восстали вятичи и радимичи. Необходим был более прочный фундамент объединения.

Как позволяют судить свидетельства средневековых источников и разыскания современных исследователей, с выбором новой религии Владимир Святославич определился уже в середине 980-х г., однако принятию христианства по византийскому обряду предшествовало обострение отношений между Киевом и Константинополем в 987–988 гг.²⁷, завершившееся захватом важнейшей греческой колонии в Крыму Херсонеса (в русских летописях – Корсунь). Одним из пунктов мирного договора, выдвинутых русской стороной, являлся брак Владимира с царевной Анной – сестрой императоров Василия II и Константина VIII, который по требованию греческой стороны мог быть заключен лишь после крещения. Это судьбоносное во всех смыслах решение способствовало коренной трансформации всех сторон жизни Древней Руси.

²⁴ Удальцова 1988. С. 326.

²⁵ ПСРЛ I. Стб. 67.

²⁶ Там же. Стб. 79. ПЛДР 1978. С. 95.

²⁷ Карпов 1997. С. 142–250. Назаренко 2001. С. 390–434. Петрухин 2002. С. 60–89. Милютенко 2008. С. 212–320.

Совет князя Владимира с боярами и старцами о выборе веры. Миниатюра Радзивилловской летописи

Как сообщает ПВЛ под 988 г.: «Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове, Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире (на Волыни. – Д.Б.), Мстислава в Тмуторокани»²⁸.

Эта административная реформа, или «окняжение земель», способствовала территориальной консолидации Руси²⁹, сосредоточив власть в руках потомков Святослава, хотя еще в начале 980-х г. Владимир следовал другой практике, рассаживая на княжение по городам варяжских «мужей», в которых, очевидно, надо видеть представителей скандинавской военной элиты, пришедшей с ним в Киев.

Вряд ли «окняжение земель» было единовременной акцией, относившейся к 988 г.: скорее всего, оно происходило постепенно, по мере того, как подрастали дети Владимира. Летописец полагает, что оно происходило в два этапа. Как позволяют судить данные, приведенные В.Н. Татищевым, последний раздел княжений, в ходе которого «столеы» в Ростове и Муроме получили Борис и Глеб, относился к началу второго десятилетия XI в., так как послужившая его причиной смерть князя Вышеслава и замена его на новгородском «столе» Ярославом датируется в его «Российской истории» (содержащей целый ряд уникальных сведений) 1010 г. Проблема датировки осложняется тем, что летописи предоставляют мало информации о последних годах княжения Владимира. Тем не менее это не мешает исследователям утверждать, что

²⁸ ПСРЛ 1. Стб. 121. ПЛДР 1978. С. 137.

²⁹ Пресняков 1993. С. 28. Петрухин 2000. С. 169–170. Горский 2004. С. 88–95.

именно последняя его реформа была призвана радикально изменить принцип наследования верховной власти в древнерусском государстве, ассоциировавшийся с княжеским «столом» в Киеве.

В.Н. Татищев (со ссылкой на Иоакимовскую летопись)³⁰, а затем академик С.М. Соловьев³¹ высказали предположение о том, что Владимир Святославич рассчитывал передать власть своему старшему сыну от брака с царевной Анной (считавшейся дочерью Петра, то византийского болгарского царя императора Романа II) Борису, в обход сыновей от других браков. Поскольку и в ПВЛ, и в «Анонимном сказании» Борис и Глеб называются сыновьями неизвестной «болгарыни», следует подчеркнуть, что эта гипотеза основывается на достаточно спорном факте, появлением которого мы обязаны, скорее всего, составителю «Тверского сборника», летописного памятника первой трети XVI в.: именно он первым назвал Бориса и Глеба сыновьями византийской царевны³². Достаточно позднее происхождение этого текста может объяснить нам причины подобного утверждения. «Тверской сборник» был составлен в период, когда в Московском государстве активно формировались «имперские представления», обусловленные установлением родственных связей московских князей с последней византийской династией Палеологов через брак Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог (1472), которые сформировали идеологические предпосылки к принятию царского титула Иваном IV (1547). Поэтому не исключено, что составитель «Тверского сборника» мог создать по заказу великокняжеского правительства своеобразный «исторический прецедент».

³⁰ Татищев 2003. Т. II. С. 65–66, 614, 628. Критика татищевского известия: Толочко 2005. С. 445–457.

³¹ Соловьев 1996. С. 31.

³² ПСРЛ 15. С. 73. Не менее спорной представляется попытка объявить Бориса и Глеба сыновьями волжской болгарыни, на которой Владимир якобы женился во время похода 985 г. (Пчелов 2001. С. 201–202), так как в этом случае не-понятно, почему из всех сыновей Владимира именно они представляли опасность для Свя-тополка.

Ярослав I Мудрый. Художник В. П. Верещагин, 1891 г.

С.М. Соловьев отмечал: «Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна – царевна, причем Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродного сестрою императоров Василия и Константина, тетка которых, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским. Если б так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису, как сыну царевны и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственно законное. Отсюда уяснилось бы и поведение Ярослава, который, считая себя при невзгоде Святополка старшим и видя предпочтение, которое оказывал отец Борису, не хотел быть посадником последнего в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым»³³.

Представления о «порфирородном» происхождении Бориса и Глеба способствовали появлению гипотезы о десигнации (изменении порядка престолонаследования в пользу младшего сына), которая получила широкое распространение в XIX–XX вв.: сегодня она является общепризнанным историографическим фактом³⁴. Наиболее оригинальную его интерпретацию предложил польский славист А.В. Поппэ, реконструкция которого выглядит так.

³³ Соловьев 1988. Кн. 1. С. 194–195.

³⁴ Пресняков 1993. С. 32–33. Поппэ 1997. С. 115. Петрухин 2000. С. 177. Назаренко 2000. С. 512–513. Присёлков 2002. С. 38. Свердлов 2003. С. 316–324. Милютенко 2006. С. 82–88.

Под влиянием царевны Анны, ставшей после Крещения Руси единственной законной женой Владимира, были предприняты шаги по «византизированию наследования киевского стола», то есть введению соправительства по византийскому образцу в пользу Бориса и его младшего брата Глеба. Как полагает исследователь, братья получили этот статус, а возможно, даже были коронованы, благодаря усилиям придворной «византийской партии», еще при жизни отца, так как церковная служба Борису и Глебу (Роману и Давыду) говорит о том, что «разумное житие свершая, цесарским венцем от уности украшен, пребогатый Романе»³⁵ (крестильное имя Бориса), хотя это могло быть не более чем агиографическое преувеличение, примеры которого мы рассмотрим ниже.

Косвенным доказательством того, что традиционный порядок престолонаследия (согласно родовому старшинству) был реформирован, является для А.В. Поппэ свидетельство немецкого миссионера Бруно Кверфуртского о том, что один из сыновей киевского князя (как полагают, это был Святополк, хотя подобное утверждение не бесспорно)³⁶ в 1008 г. отправился в качестве заложника к печенегам (позднее он был единственным из сыновей Владимира, кто прибегал к услугам кочевников в борьбе за власть). Согласно этому предположению, «политическое завещание» Владимира, заложившее правовые основы реформы, «должно было обеспечить рожденным от Анны сыновьям, Борису и Глебу, киевский стол и верховные права на всю Русь, в то время как остальные его сыновья должны были бы довольствоваться периферийными уделами без каких-либо видов на Киев».

Вскоре после смерти Анны в 1011 г. сложился «заговор обойденных», который составили туровский князь Святополк и новгородский Ярослав, а возможно, и Мстислав Тмутарканский. Первым против Владимира выступил Святополк, поплатившийся заключением под стражу; следующим поднял мятеж Ярослав, отказавшийся выплачивать установленную дань, но лично подготавливавший карательную экспедицию Владимир умер 15 июля 1015 г. На «столе», в отсутствие Бориса, который во главе отцовской дружины оборонял Русь от печенегов, неожиданно оказался Святополк, освобожденный из тюрьмы усилиями своих сторонников. После погребения отца он устранил наиболее опасных политических конкурентов – Бориса и Глеба, – однако новым его соперником в борьбе за Киев выступил Ярослав, который позднее был представлен агиографами мстителем за убийство братьев, поскольку его собственные права на киевский «стол» были далеко не бесспорны³⁷.

Н.А. Баумгартен и некоторые другие исследователи полагали, что после смерти Анны Владимир Святославич женился на дочери графа Куно Энингена из дома Вельфов, которая, по свидетельству немецких источников, вышла замуж за некоего «короля ругов»³⁸. В связи с изменением политического курса позиции «византийской партии» при киевском дворе, существование которой предполагает А.В. Поппэ, действительно могли пошатнуться, чем не преминули воспользоваться Святополк и Ярослав. Но если большинство предположений Поппэ носит гипотетический характер (и наиболее уязвимым из них является проблема отождествления Анны с загадочной «болгарыней»), то последние утверждения основаны на синтезе летописных сообщений 1014–1015 гг. с «Хроникой» Титмара Мерзебургского. В конце VII книги своего труда немецкий хронист «ради осуждения» рассказывает «об образе действий короля Русского Владимира», который был «без меры чувствен и свиреп». «Имея трех сыновей, – продолжает Титмар, – он отдал в жены одному из них дочь князя Болеслава, нашего гонителя; поляки отправили вместе с ней Рейнберна, епископа Кольберга», но «названный король, услышав, что его сын, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него, тайно

³⁵ Абрамович 1916. С. 136–137.

³⁶ Карпов 1997. С. 330.

³⁷ Поппэ 2003. С. 308–315.

³⁸ Пчёллов 2001. С. 155–157.

схватил его вместе женой и названным отцом (епископом Рейнберном. – Д.Б.) и заключил отдельно друг от друга, под стражу». Рейнберн скончался в заточении, «Болеслав же, узнав обо всем этом, не преминул за него отомстить, как только мог. После этого дни короля истекли, и он умер, оставив все наследство двум своим сыновьям; третий сын тогда находился в тюрьме, откуда позже, улизнув, бежал к тестю; в тюрьме, правда, осталась его жена». «Сыновья его разделили между собой государство, и во всем подтвердилось слово Христово. Ведь я опасуюсь, – заключает епископ, – что последует то, исполнение чего предвещает голос истины; ведь говорит он: „Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет“ и прочее. Пусть молится все христианство, дабы Бог изменил этот приговор в тех землях!»³⁹

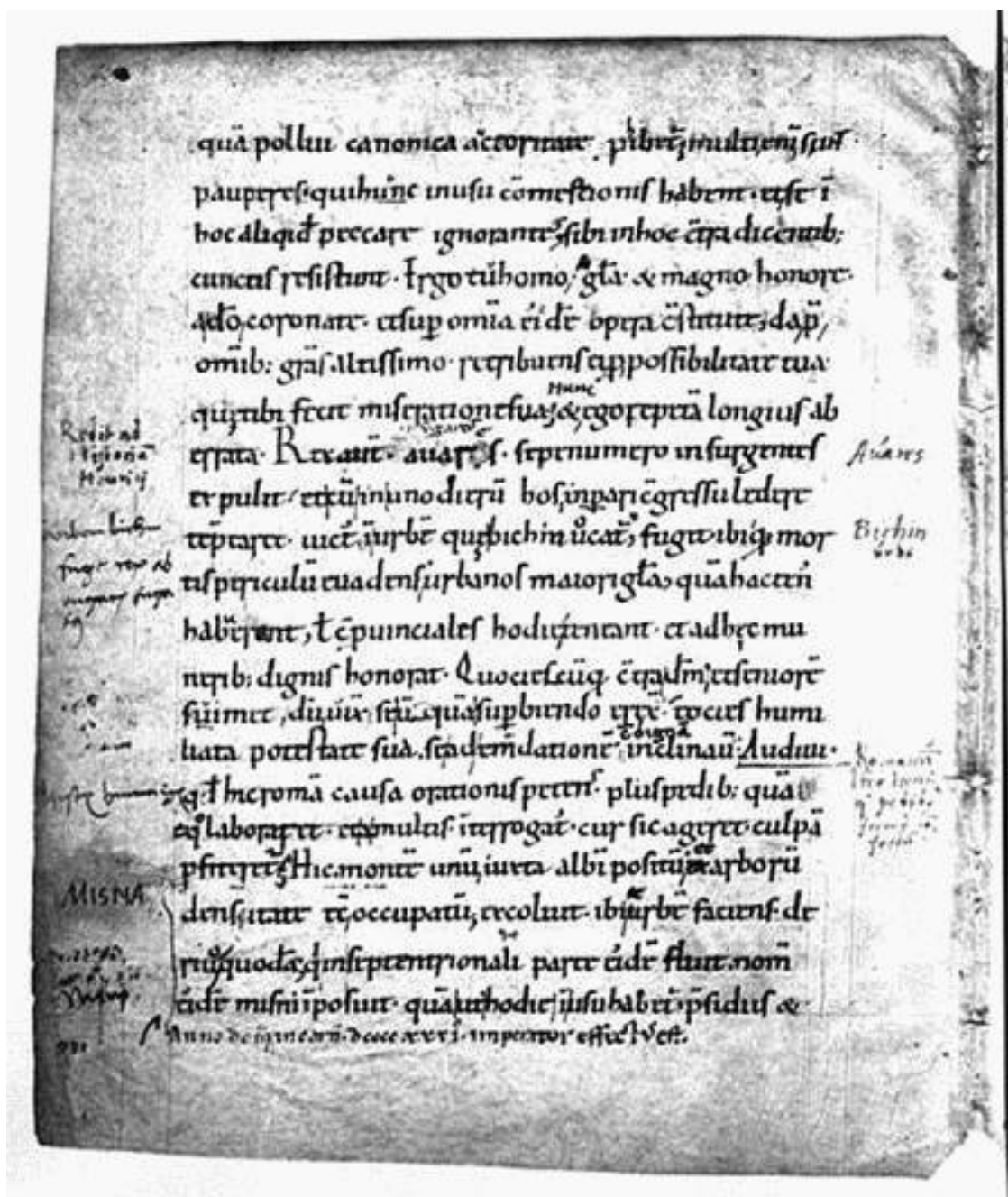
Исследователи убеждены, что русские известия «Хроники» записаны со слов очевидцев; в то же время многократно подчеркивалась ее тенденциозность, ибо «подавляющее число славянских князей Титмар изображает как воплощение дурной власти» в соответствии «с идеальной этической» моделью «неправедного правителя» и образ киевского князя отнюдь не является исключением: «Этот пассаж не столько служит задаче построения сюжета или предоставления полной информации, сколько обнаруживает желание хрониста описать и осудить „дурного правителя“» (М.Ю. Пармонова)⁴⁰. Заметим, что осуждение грехов Владимира является общим местом для «Хроники» мерзбургского епископа и древнерусской традиции, предоставляя весьма интересный материал для сравнительно-исторических наблюдений.

Однако подобным образом хронист критиковал не только правителя Руси. О польском князе Титмар писал, что Болеслав I, унаследовавший в 992 г. государство, разделенное на уделы, «изгнав мачеху и братьев, а также ослепив своих родичей Одило и Прибуоя, с лисьей хитростью опять объединил его. Но, начав править самовластно, он стал попираť человеческие и божеские законы. Так, женившись на дочери маркграфа Рикдага, он впоследствии отослал ее назад. Затем, взяв в жены венгерку, родившую ему сына по имени Бесприм, он точно так же прогнал и ее. Третьей женой его стала Эмнильда, дочь почтенного господина Добромира, которая, будучи верной Христу, склонила неустойчивый дух своего мужа к добру, и чрезвычайно щедрой милостынею, а также постом, не прекращала один за другим смывать его грехи». Грехи польского князя, с точки зрения мерзбургского епископа, заключались в том, что его внешняя политика нанесла ущерб авторитету Священной Римской империи⁴¹.

³⁹ Титмар Мерзбургский (Пер. И. В. Дьяконова). С. 162, 163. Назаренко 1993. С. 140–141, 166–167.

⁴⁰ Пармонова 1999. С. 42.

⁴¹ Титмар. С. 68. Боровков 2008. С. 173.

Страница из «Хроники» Титмара Мерзенбургского

«Хроника» Титмара предоставляет в распоряжение исследователей уникальную информацию. По свидетельству епископа-хрониста, после заключения в мае 1013 г. в Мерзебурге мирного договора между Болеславом I и немецким королем Генрихом II поляки напали на Русь при немецкой и печенежской поддержке. Война, очевидно, была скоротечной и, как думают некоторые из историков (М.Б. Свердлов, А.Б. Головкин и др.), по заключении мира состоялся брак туровского князя Святополка с дочерью Болеслава – первый династический союз Пястов с Рюриковичами. Он послужил для польского князя инструментом политических интриг, в результате которых его дочь, зять и тайный эмиссар, епископ Колобжегский Рейнберн, были посажены под арест князем Владимиром⁴².

⁴² Титмар. С. 128, 162–163.

Относительно датировки этого матримониального союза существуют значительные расхождения⁴³, так как часть исследователей (Н.Н. Ильин, В.Д. Королюк и др.) полагает, что он мог предшествовать войне 1013 г., которая в этом случае рассматривается как месть Болеслава за арест дочери и зятя; сторонники этой точки зрения относят брак Святополка к 1009–1012 гг. Надо полагать, он был не единственным достижением матримониальной дипломатии Киева и Гнезно, так как в «Истории» В.Н. Татищева под 1014 г. сообщается: «...пришли ко Владимиру послы Болеслава лядского, с ними же были послы чешские и угорские, о мире и любви, просили каждый дщери его. Он же обещал Болеславу дать за чешского старшую, а за угорского другую, которую весьма любил, и обещал весною съехаться во Владимире граде на Воыни»⁴⁴. Весной 1015 г. Владимир, очевидно, уже начал готовиться к войне с Ярославом, поэтому планируемый съезд, если переговоры о нем имели место в действительности, не состоялся.

Вообще, мы имеем довольно скудные известия о внешней политике Владимира в последние двадцать лет его правления. ПВЛ (под 996 г.) сообщает, что Владимир жил в мире с соседними правителями: Болеславом Польским, Стефаном Венгерским и Ольдржихом (Андрихом) Чешским. Согласно Никоновской летописи, в 1001 г. к Владимиру приходили послы от папы римского и от «королей чешских и угорских»⁴⁵. В.Н. Татищев не исключал того, что князь Владимир обращался к королю Венгрии Иштвану I за консультацией по религиозным вопросам⁴⁶. Если информацию Никоновской летописи можно отнести и к домыслам книжников XVI столетия, когда устанавливались внешнеполитические контакты Москвы с европейскими государствами, и московское правительство для поддержания своего имиджа нуждалось в создании исторических прецедентов, то сообщение ПВЛ заслуживает пристального внимания. Скорее всего, оно описывает внешнеполитическую ситуацию 1012 г. (когда Ольдржих стал князем Чехии) или первой половины 1013 г., – то есть до польско-русской войны, упоминаемой Титмаром Мерзебургским.

Что касается свидетельства немецкого хрониста о пребывании Святополка в тюрьме в момент смерти Владимира, то, как отмечает А.В. Назаренко, «понимать Титмара так, будто Святополк бежал из Киева уже летом 1015 г., означает признать фальсифицированной всю картину событий 1015–1018 гг., рисуемую древнерусскими источниками, – причем не только в ее „идейной“ основе (Святополк – зачинщик уособицы и убийца братьев), но и, что важнее, во всех деталях летописной хронологии, согласно которой первая схватка между Ярославом и Святополком произошла только в 1016 г.»⁴⁷. По мнению исследователя, положение дел проясняется, если предположить, что Святополк бежал в Польшу после поражения у Любеча и что мерзебургский хронист описывал ситуацию такой, какой она сложилась к 1016 г.

Мы еще вернемся к интерпретации этого сообщения Титмара, а сейчас обратим внимание на оригинальный памятник средневековой историографии – «Польскую историю», составленную в третьей четверти XV в. краковским каноником Яном Длугошем, который использовал не дошедшие до наших дней летописные материалы. Как отметил академик М.Н. Тихомиров, в «Истории» Длугоша. «особый интерес представляет рассказ о смерти Владимира и распре между его сыновьями, так как сведения об этих событиях даны им в редакциях, неизвестных по русским источникам»⁴⁸.

Рассказывая о разделе княжений между сыновьями Владимира, Длугош отмечает, что за тремя младшими сыновьями, «а именно Станиславом, Позвиздом и Судиславом, он закре-

⁴³ Королюк 1964. С. 212–232. Пашуто 1968. С. 35–36. Головкин 1988. С. 20–22. Назаренко 1993. С. 151–154, 168–170. Пчелов 2001. С. 183–187. Свердлов 2003. С. 301. Милютенко 2008. С. 362–364.

⁴⁴ Татищев 2003. Т. II. С. 64–65.

⁴⁵ ПСРЛ I. Стб. 126. ПСРЛ 9. С. 68.

⁴⁶ Татищев 2003. Т. II. С. 627. Прим. 211.

⁴⁷ Назаренко 2001. С. 454.

⁴⁸ Тихомиров 1969. С. 232.

пил Киевское и Берестовское княжества, которые должны были перейти к ним только после его смерти. Ярослав же, один из сыновей, которому был выделен Ростов, тяготясь тем, что он отлучен от Киевского княжества, которого домогался, со своими племенами и другими, которых нанял за деньги, хитростью подступает к Киеву и, поскольку [все] верили, что он пришел с миром, занимает крепость и овладевает отцовской казной. Отец, Владимир, очень горько переживая это, собирает войска из всех княжеств, которые разделил среди сыновей, намереваясь вступить в битву с Ярославом. Ярослав, узнав об этом, посылает [послов] и нанимает печенегов и варягов, чтобы противостоять отцу.

Между тем отец, князь Владимир, в горе из-за того, что сын Ярослав поднял враждебный мятеж, тяжело заболевает и, поставив во главе войска сына Бориса, посылает против Ярослава, [а] сам от усилившейся болезни немного времени спустя умирает в крепости Берестове и, доставленный в Киев, погребается под мраморной плитой в церкви Святой Девы, которую сам при жизни построил. Множество русских стеклось, чтобы почтить его погребение, громко плача над его гробом, возгласая, что безвременно потеряли отца и освободителя отечества, насадителя на Руси христианской веры. Оба сына, Борис и Святополк, не зная, что их отец, князь Владимир, ушел из жизни, вступают в битву с Ярославом и его народом, и Ярослав, побежденный со своими союзниками печенегам и варягами, бежит. Святополк же занимает Киев и захватывает княжение, тогда как другой брат, Борис, бездействует, оплакивая отцовскую смерть.

Хотя упомянутого князя Бориса воины с великим <...> уговаривают прогнать брата Святополка [и] самому овладеть Киевским княжеством, он, отвергая настойчивые уговоры воинов, отвечает, что брата Святополка по смерти отца он будет почитать вместо отца и никогда ничего против него не предпримет. А Святополк, отвечая брату Борису неблагодарностью, направляет новгородцев, мужей Велиала, которые молящегося на своем ложе Бориса закалывают копьями, а вместе с ним убивают его оруженосца Григория, родом венгра, защищавшего своего господина. Затем Святополк посылает к другому брату, Глебу, хитростью приглашая его к себе, но тот, узнав от брата Ярослава, только что побежденного, что зовут его на смерть, сдерживает шаг [и] останавливается, великим плачем оплакивая смерть отца и убийство брата. Наконец, приходят другие мужи, посланные Святополком, и убивают Глеба, отрубив [ему] голову. Тела и Бориса, и Глеба, доставив в Киев, погребают в одной могиле в церкви Святого Василия»⁴⁹.

Созданная Яном Длугошем реконструкция событий 1014–1015 гг., вот уже более пяти веков являющаяся достоянием историографии, поражает воображение не меньше, чем гипотеза А.В. Поппэ, относящаяся к последним достижениям историографической мысли. Если одна ее часть совпадает со свидетельствами древнерусской традиции, то другая, напротив, не имеет аналогов в известных на сегодняшний день источниках. С одной стороны, она как будто подтверждает предположения о реформе престолонаследия и десигнации младших сыновей Владимира, с другой же – главная отрицательная роль в событиях 1014 – первой половины 1015 г. отводится Ярославу, против которого выступают Борис и Святополк; затем коалиция распадается и Святополк устраняет своего союзника, превратившегося после смерти Владимира в политического конкурента. Несмотря на то что действия Святополка в изложении Длугоша выглядят несколько нелогично, ибо в качестве наследника киевского «стола» упомянут вовсе не Борис, это не мешает некоторым исследователям модифицировать описанную ситуацию.

Как, например, полагает Н.И. Милютенко: «Расхождения источника Длугоша с „Повестью временных лет“ не так велики, как кажется на первый взгляд. Уникальным, по сути, является только известие о том, что Ярослав надеялся наследовать верховную власть после Владимира и, обманувшись в ожиданиях, начал войну с отцом. Возможно, никакого разграбления

⁴⁹ Щавелева 2004. С. 235–236.

Киева, о котором пишет Длугош, на самом деле не было. Ярослав мог прибыть к отцу с вполне мирными намерениями (в тексте сказано, что он „пошел обманом против Киева“), и все ограничилось частной дракой новгородско-варяжской дружины с киевлянами. Достаточно вспомнить, что летом того же 1015 г. варяги так надоели своими выходками самим новгородцам, что они полностью перебили княжеских наемников»⁵⁰. Исследовательница также допускает, что Ярослав инспирировал нападение печенегов, которым противостоял, согласно ПВЛ и «Анонимному сказанию», Борис. Однако источники не позволяют говорить о каких-либо контактах Ярослава Мудрого с кочевниками – напротив, его борьба с печенегами завершилась в 1036 г. окончательной ликвидацией печенежской угрозы Киеву⁵¹. Еще академик Б.Д. Греков отмечал, что новгородские князья, как правило, опирались на поддержку скандинавских наемников, тогда как кочевники были традиционными союзниками южнорусских князей⁵².

Тем не менее Н.И. Милютенко не исключает, что «незадолго до смерти Владимир предполагал соправительство Святополка с Борисом, а возможно, и Глебом по византийскому образцу»⁵³. В этом случае Святополк как старший представитель дома Рюриковичей вполне мог выполнять функции регента⁵⁴, однако для принятия подобной гипотезы необходимо исходить как минимум из того, что к 1015 г. конфликт между Владимиром и Святополком, о котором сообщает Титмар Мерзебургский, был исчерпан. Как бы то ни было, к моменту смерти Владимира Святополк опирался на поддержку вышегородских «болярцев», которым, по свидетельству летописи и «Анонимного сказания», он поручил убийство Бориса. Правда, их социальное положение до сих пор остается спорным, поскольку одни историки видят в них членов княжеской дружины⁵⁵, а другие – лидеров вышегородской общины⁵⁶.

⁵⁰ Милютенко 2006. С. 87.

⁵¹ ПСРЛ 1. Стб. 150–151.

⁵² Греков 1953. С. 347–348.

⁵³ Милютенко 2006. С. 88.

⁵⁴ Хорошев 1986. С. 30.

⁵⁵ Горский 2004. С. 108.

⁵⁶ Фроянов 2001. С. 377.

Болеслав I Храбрый. Художник А. Лессер, XIX в.

По словам С.М. Соловьева, впервые рассмотревшего династический конфликт 1015–1019 гг. в сравнительно-историческом аспекте, причиной междукняжеской вражды была «давняя ненависть Святополка к Борису как сопернику, которому отец хотел оставить старший стол мимо его; явное расположение дружины и войска к Борису, который мог воспользоваться им при первом случае, хотя теперь и отказался от старшинства; наконец, что, быть может, важнее всего, пример соседних государей, с одним из которых Святополк находился в тесной связи, объясняют как нельзя легче поведение Святополка: вспомним, что незадолго перед тем в соседних славянских странах – Богемии и Польше – обнаружилось стремление старших кня-

зей отделяться от родичей насильственными средствами. Первым делом Болеслава Храброго польского по восшествии на престол было изгнание младших братьев, ослепление других родичей; первым делом Болеслава Рыжего в Богемии было оскотление одного брата, покушение на жизнь другого, а Святополк был зять Болеслава польского; почему ж то, что объясняется само собою в польской и чешской истории, в русской требует для своего объяснения какого-то кодекса родовых прав?»⁵⁷

Если изменение Владимиром I порядка наследования киевского «стола» в пользу младших сыновей все же имело место в действительности, то надо сказать, что этот политический акт являлся беспрецедентным для своего времени, по крайней мере в славянских странах. Позже подобную инициативу проявил Болеслав Храбрый, отстранивший от наследования старшего сына Бесприма в пользу младшего сына Мешко⁵⁸. Его воцарение также было связано с изменением статуса польских правителей, находившихся (согласно Мерзебургскому соглашению 1013 г. и Бауценскому миру 1018 г.) в вассальной зависимости от Священной Римской империи. Кризис власти, разразившийся в империи со смертью Генриха II в июле 1024 г., позволил Болеславу пойти на беспрецедентный шаг. В начале 1025 г. он был коронован польскими епископами без санкции папы Иоанна XIX⁵⁹. Как писал составитель «Кведлинбургских анналов» (а вслед за ним и другие имперские хронисты): «Болеслав, герцог Польский, получив известие о смерти императора, августа Генриха, возгордился душой, наполненной ядом, так, что даже возложил на себя корону, безрассудно сделавшись узурпатором. После этого для самонадеянной и дерзкой души его в скором времени последовала божья кара. Ибо, будучи приговоренным к страшной смерти, он внезапно умер»⁶⁰. Первый король Польши скончался в Познани в возрасте 68 лет 17 июня 1025 г., завещав престол своему сыну Мешко.

Впрочем, факт коронации 1025 г., с возмущением отмеченный в немецких источниках, не помешал польской средневековой историографии создать миф о возведении Болеслава I в королевское достоинство императором Оттоном III, посетившим Гнезно в 1000 г., чтобы поклониться мощам св. Войтеха-Адальберта. Как пишет Галл Аноним: «Увидев его славу, мощь и богатство, римский император воскликнул с восхищением: „Клянусь короной моей империи, все, что я вижу, превосходит то, что я слышал“. По совету своих магнатов в присутствии всех он прибавил: „Не подобает называть столь великого мужа князем или графом, как одного из сановников, но должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной“. И, сняв со своей головы императорскую корону, он возложил ее в знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменательного дара гвоздь с креста Господня и пику св. Маврикия, за что Болеслав, со своей стороны, подарил ему руку св. Адальберта.

И с этого дня они настолько прониклись уважением друг к другу, что император провозгласил его своим братом, соправителем Империи, назвал его другом и союзником римского народа. Мало того, Оттон уступил ему и его потомкам все права Империи в отношении церковных почетных должностей в самой Польше или в других уже завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать; договор этот утвердил папа Сильвестр привилегией святой римской церкви»⁶¹.

Разумеется, эти представления на протяжении всего Средневековья воспринимались как исторические только в Польше, хотя на их основании можно констатировать, что подобная тенденция являлась в определенной степени универсальной, и, как мы можем убедиться на примере современных дискуссий о политическом статусе Владимира Святославича после Кре-

⁵⁷ Соловьев 1988. Кн. 1. С. 197.

⁵⁸ Назаренко 2000. С. 512–513.

⁵⁹ Боровков 2008. С. 178.

⁶⁰ *Annales Quedlinburgenses* // MGH. SS. T. 3. S. 90 (Пер. Д. А. Боровкова). См. также: Wiponus. *Gesta Chuonradi imperatoris* // MGH. SS. T. 61. S. 31–32.

⁶¹ Галл Аноним. С. 34.

щения Руси, они являлись общим местом не только средневековой историографии. Принципиальное различие, однако, состоит в том, что официальное изменение статуса Болеслава I отражено в письменных источниках, то есть может восприниматься как факт, зафиксированный исторической памятью, позитивный для поляков и негативный для немцев, тогда как в отношении Владимира мы таких фактов лишены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.